

Иринэ Модебадзе, Татьяна Мегрелишвили
Последние «из могикан»,
или *Кризис грузинской русистики*

Продолжая начатый два года назад разговор о том, что объективная оценка достижений той или иной национальной культуры возможна лишь в совокупности оценок «изнутри» и «извне», хотелось бы остановиться на факторах, определяющих специфику «взглядов извне» на русскую культуру представителей т. н. «ближнего зарубежья», в частности, Грузии.

Активно развивающиеся тенденции трансформации научного сознания грузинского русиста, прежде всего, обусловлены радикальными изменениями культурного поля русистики. После обретения государственной независимости в Грузии изменился статус не только русского языка (государственный язык СССР → иностранный), но и самой профессии (престижная специальность → специализация, редко избираемая студентами), что, несомненно, связано с изменением общей культурной ситуации. Поэтому разговор о геокультурной обусловленности научного сознания мы предлагаем начать с попытки осмысления специфики текущих культурных процессов и рассмотреть вопрос, когда и как грузинская русистика становится «взглядом извне»? В какой мере она была (и была ли) «взглядом изнутри» в советскую эпоху?

Кризис грузинской русистики (И. Модебадзе)

Заглавие — выражающая «авторский концепт», «доминанта смысла» текста (см.: Веселова, Овчаренко 2011: 205). Однако границы литературоведческих терминов не являются

константой, и поскольку их наполнение подвержено трансформации¹, разговор о кризисе грузинской литературоведческой русистики невозможен без уточнения использованных нами дефиниций.

Прежде всего, осмысления требует само понятие «грузинская русистика». Разделение науки о русской литературе на «итальянскую», «болгарскую» и др. подразумевает их дистанцированность от центра производства русской культуры, т.е. России. Соответственно логичным было бы считать, что русистики молодых независимых государств проходят лишь начальный этап своего формирования, а само понятие может быть применимо исключительно лишь к научной мысли постсоветского периода². В этом случае, конечно, ни о каком «кризисе» (переходном моменте, радикальном повороте) грузинской русистики не может быть и речи. Но научное исследование русской литературы наиболее интенсивно развивалось в Грузии именно во второй половине XX века. Так насколько правомерным является применение дефиниции «грузинская» к русистике тех лет? Не правильней ли было бы ограничиться определением «советская русистика Грузии»? Дать однозначный ответ не представляется возможным точно так же, как невозможна оценка личности того или иного ученого прошлого века исключительно лишь с позиции «грузин» или же «советский ученый».

Если главным маркером культурной идентичности считать язык, то в Грузии XIX-XX вв. доминировал билингвизм: труды создавались одними и теми же авторами как на русском, так и на грузинском языках³. Другой знаковый мар-

¹ «Их появление, постепенное утверждение сопровождается процессом осознания самого содержания, выявление самой сущности понятия» (Дима 1977: 89)

² Примечательно, что сам термин утверждается в научном мышлении Грузии только в начале XXI века, что подтверждает правомерность его использования лишь на этом этапе самоидентификации грузинской культуры.

³ Правда, к концу прошлого века в среде русистов постепенно возросло количество владевших грузинским языком лишь на коммуникативном уровне, но по сравнению с прирожденными билингвами (классификация

кер — этническое происхождение. Но русисты Грузии — это не только грузины или русские, но и представители многих других национальностей, чаще всего потомки смешанных браков. Таким образом, можно утверждать, что основные маркеры культурной идентичности указывают на принадлежность одновременно к двум (или более) национальным культурам. В то же время вектор научных интересов свидетельствует о наличии определенной культурной дистанции, что позволяет характеризовать исследования XX в. как определенный этап развития именно грузинской русистики. Чем же характеризуется этот этап?

Если в грузинской культуре XIX в. формируется осознание сопричастности «передовой русской культуре» (см.: Модебадзе 2007), переходящее в эпоху модернизма в «связанный с осмыслением характера национальной культуры на фоне неизбежности процесса европеизации»⁴ (Ципурия 2010: 11) «бунт периферии против центра» (Лотман [1989]), то после советизации активно начинается процесс создания общего культурного поля. Государственная машина способствует обретению русистикой приоритетного статуса (сравним, напр., с положением медиевистики⁵ и ряда других направлений картвелологии/грузиноведения в те годы). Вузы готовят преподавателей русского языка и литературы для многочисленных русских школ Грузии. Одновременно подспудно нарастает протест против «насильственной русификации»⁶, принявший к концу XX века форму массовых протестов — открытых выступлений в защиту статуса грузинского языка.

Параллельно с изучением вопросов собственно русской литературы зарождаются и начинают интенсивно развиваться исследования, направленные на поиски культурной общности (по: Верещагин 1969) они составляли меньшинство.

⁴ Перевод с грузинского — И. М.

⁵ Об идеологическом прессинге, которому подвергалась картвелология, см., напр.: Kobiashvili, Tsitsishvili, Modebadze, 2012.

⁶ Примечательно, что за весь советский период в Грузии так и не было создано ни одного научно-исследовательского центра изучения русского языка и литературы: русистов объединяли кафедры вузов, из числа выпускников которых вышло немало талантливых ученых.

сти, всячески поощряемые императивом советской идеологии. Это направление советского сравнительного литературоведения определяется как «русско-грузинские литературные взаимосвязи»⁷ и до 1975 г. считается частью русистики.⁸

Таким образом, в советский период русистика Грузии синхронно развивалась по двум различным направлениям:

- 1) история русской литературы;
- 2) история взаимодействия грузинской и русской культур, обозначаемая как «литературные взаимосвязи».

Следует особо оговорить, что векторная направленность русского и грузинского научного интереса к «взаимосвязям» несколько различалась. С позиции русской культуры, интерес

⁷ Примечательно, что точный перевод грузинского термина ლიტერატურული ურთიერთობები – литературные отношения, а не традиционное «литературные взаимосвязи». Соответственно, если в русском варианте («взаимосвязь») ярко выражена идея «единства многонациональной советской литературы», в более широком смысле подразумевавшая также и идейно-художественную близость литератур стран т.н. соцлагеря, то в грузинской культурной ментальности наполнение этого понятия (в идеологическом смысле) оставалось нейтральным. Возможно, именно этот нюанс оказался решающим и облегчил переориентацию современной грузинской научной мысли от «сравнительного литературоведения» (в его советском инварианте) к более широкому – «литературная компаративистика». Идеологический оттенок можно усмотреть также и в том, что на протяжении почти всего прошлого века, независимо от вектора исследований (Россия → Грузия или Грузия → Россия), «взаимосвязи» принято было обозначать как «русско-грузинские», а термин «грузино-русские» в ту эпоху так и не нашел широкого применения.

⁸ В предыдущем примечании автор (И. М.) игнорирует возможность расширения синонимического ряда; так, в заглавиях трудов Элгуджи Хинтибидзе семантика упомянутого грузинского слова, ურთიერთობები, передается не только как «отношения» или «взаимосвязи», но и как «взаимоотношения» (справка по списку трудов Хинтибидзе на сайте Фонда картвелологии, <http://kartvfund.org.ge/index.php?act=page&id=31&lang=en>, и по электронному каталогу Национальной парламентской библиотеки Грузии): «Грузино-византийские литературные взаимоотношения» (Тбилиси, 1989). (В заглавиях грузиноязычных работ того же ученого можно встретить и широкий синоним интернационального происхождения, ჰობტაქტები, контакты.) То же слово, «взаимоотношения», в заглавии учебного пособия для студентов-филологов: «Русско-грузинские литературные взаимоотношения (XVIII-XIX вв.)» (автор Георгий Талиашвили, Тбилиси, 1967). (Ред.)

представляли труды, отражавшие различные ракурсы «кавказской темы» (т. е. «кавказский текст» русской литературы). Однако грузинская научная мысль вскоре обращается и к иному ракурсу: вектор научного интереса колеблется между приоритетами русистики и картвелологии. Начинается интенсивное развитие двух сопрягающихся направлений: наряду с исследованиями «влияния русской литературы, русской критической мысли, русских писателей на грузинскую литературу», допуская желательную императивную интерпретацию «ученичества», не меньший интерес вызывает изучение «воздействия» грузинской культуры на развитие русской литературы⁹. Позднее фиксируется интерес к выявлению типологической «общности и различий». И именно для исследования «литературных связей» грузинской литературы¹⁰ открываются научно-исследовательские центры, что позволяет констатировать наличие «грузинского взгляда на предмет». Таким образом, если в первом случае (история русской литературы) можно рассуждать о «взгляде изнутри», то во втором (литературные взаимосвязи) явственно прослеживается и «взгляд извне». Примечательно, что значимые для обоих направлений труды чаще всего создавались одними и теми же авторами.

Невольно возникает сомнение: был ли бум на изучение «литературных взаимосвязей» исключительно лишь следствием государственной идеологии? Или закономерным этапом развития советского сравнительного литературоведения? Не явилось ли это научное направление благоприятным полем для саморефлексии и самореализации национального научного сознания в сложившейся культурной обстановке?

Анализ общей культурной ситуации эпохи и хронология развития советского сравнительного литературоведения диктуют положительный ответ на первые два вопроса. В пользу

⁹ «В трудах И. С. Богомолова, – писал проф. Дмитрий Тухарели (1999), – грузино-русские литературные отношения обретают статус самостоятельной отрасли литературоведения, как русско-грузинские обрели статус в трудах В. С. Шадури» (Гогиашвили, Пиракишвили 2002: 13).

¹⁰ Исследуются моменты сопряжений грузинской литературы как с литературами народов СССР, так и с национальными литературами других стран.

последнего предположения свидетельствует факт развития в конце прошлого века (и именно на почве «взаимосвязей») нового ракурса исследований (сопрягающегося с культурологической герменевтикой), который условно можно было бы обозначить как «переоценка общеизвестного»¹¹.

Так или иначе, но русистика Грузии прошлого века, являясь одновременно взглядом «изнутри» и взглядом «извне», отразила специфику научного сознания носителей обеих культур. После распада СССР, когда (де-юре и де-факто) она окончательно становится «зарубежной» и проблема определения собственной культурной идентичности требует неотложного решения, определяются три основных типа литературоведческого сознания:

- 1) идентичность с доминирующей культурой (т. е. грузинской);
- 2) лиминальность (сопричастность культуре пограничья);
- 3) внутренняя эмиграция (носитель русской культуры «на чужбине»).

Соответственно, русская литература воспринимается: а) как иностранная, б) как неотъемлемая часть общего культурного поля, в) как единственно родная.

Процесс культурной самоидентификации протекал тяжело: сама необходимость сделать выбор для многих оказалась серьезной психологической травмой, что отразилось и на поведенческих моделях отдельных людей, особенно внутренне тяготевших ко 2 и 3 группам. Кто-то покинул страну, кто-то ушел с поля активной деятельности. В результате количество русистов Грузии резко сократилось. Этому способствовали также острая конкуренция внутри специальности и процесс экономической миграции из страны, находившейся в глубоком экономическом кризисе.

¹¹ В частности, в последних трудах проф. Игоря Богомолова на фоне «современного прочтения текстов» фиксируется «стремление осмыслить истинное значение воззрений [русских классиков – И. М.] на такие сложные вопросы, как многовековая история русско-грузинских государственных и культурных взаимосвязей, имперско-колониальная политика русского самодержавия на Кавказе» (Гогияшвили, Пиракишвили 2002: 14).

Избежав необходимости сделать окончательный выбор, продолжившие занятия русистикой вне Грузии, по большей части сохранили приверженность прежним приоритетам научного мышления. Дальнейшая трансформация их сознания проходит уже под воздействием внешних факторов не грузинской, но культуры страны пребывания. От моно- и билингвизма они переходят, соответственно, к би- и полилингвизму. Их научная деятельность характеризуется активным использованием вывезенных из Грузии знаний, приверженностью к русскому языку; ориентацией на «центр» (Россию) и стремлением к интеграции в активно формирующуюся на наших глазах новую культурную общность *Русский мир*. Единично наблюдается использование раннее полученных в сфере сравнительного литературоведения исследовательских навыков в контексте национальных культур мест пребывания. Повидимому, синхрония и диахрония устойчивости выделенных нами групп, во многом определяя границы литературоведческих интересов, самым непосредственным образом сопрягаются с трансформацией границ и основных показателей культурного поля.

Таким образом, считаем возможным утверждать, что в конце XX в., знаменуя конец определенной культурной эпохи, русистику Грузии потряс мировоззренческий кризис. В подтверждение считаем необходимым привести небольшой экскурс из истории развития грузинской русистики.

Этапы становления и развития (Т. Мегрелишвили)

Понимание современных процессов грузинской литературоведческой русистики обречено на неудачу без осмысления истоков возникновения и векторов движения этой научной области в поле грузинской культуры.

Начиная с 1820-х годов литературная критика в лице классиков грузинской литературы актуализировала в Грузии в сознании читающей публики интерес к русской литературе. И практически сразу грузинское культурное сознание отделило любовь к русской литературе от политики империи, про-

тивоедействие которой не прекращалось весь XIX век. В XIX столетии Грузия интенсивно осваивает достижения русской культуры, воспринимая ее локомотивом европеизма. Усвоение достижений русской культуры шло не бессистемно: выбиралось то, что было созвучно грузинской культурной ментальности. Как еще в 1886 году свидетельствует Илья Чавчавадзе, «... передовая *Европа* [...] удивляется и восхищается богатством и своеобразием русской литературы. Конечно, и *мы* со всей тщательностью должны ознакомиться и изучить русскую литературу...» (курсив мой — Т. М.) (Чавчавадзе 1967: 374).

К концу 1920-х годов следует отнести начало процесса самоидентификации академического литературоведения в Грузии и формирование литературоведческой русистики в Грузии как академической дисциплины: в 1933 году при ТГУ была создана кафедра истории русской литературы, которую возглавил профессор Серги Данелия. В этот период создаются комментарии С. Данелия к переводу на грузинский язык «Слова о полку Игореве», предисловие к переводу на грузинский язык сборника произведений русской лирики, «„История Пушкина“ А. Пушкина» Анны Чхеидзе, «Пушкин против байронизма» Марии Байсаголовой.

Все сотрудники кафедры свободно владели грузинским языком, хотя у каждого за спиной был либо Петербургский, либо Московский университет. И начинается важнейшее дело — создание учебного пособия по истории русской литературы для студентов грузинских секторов (1960-1963), в котором впервые широко освещались и вопросы «русско-грузинских литературных взаимосвязей».

В период с 1955 по 1988 гг. кафедру возглавлял Ваню Шадури. С его приходом связаны новые направления деятельности кафедры, совпавшие с началом эпохи «оттепели». В научный обиход вводится немалый массив архивных материалов, множество неизвестных фактов, связанных с пребыванием в Грузии классиков русской литературы; создаются концептуальные исследования теоретического характера. Одновременно начинаются исследования историко-функционального

типа и создаются работы в русле рецептивной эстетики, что связано с деятельностью профессора Лины Хихадзе.

В 1970-е годы в грузинской науке обозначились новые горизонты исследований. Наиболее интенсивно развивались контактология, тематология, углублялись знания в области влияния русской культуры на грузинскую творческую мысль. В ведущих вузах (Институт иностранных языков в Тбилиси, Педагогический институт им. А. С. Пушкина, Кутаисский госуниверситет, Батумский госуниверситет, Телавский и Горийский педагогические институты) открываются кафедры русской литературы. Если в период до 1950-х годов в Грузии по истории русской литературы и литературным взаимоотношениям было защищено не более десятка диссертаций (творчество Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Горького), то в 1970-е и особенно в 1980-е годы этот поток превращается в широкую реку. Ученый Совет при Тбилисском государственном педагогическом институте им. А. С. Пушкина, а затем при ТГУ им. Ив. Джавахишвили становится центром, в котором компетентные эксперты открывали путь в науку молодым специалистам со всего Закавказья и часто из других уголков СССР.

Исследования в области литературных взаимоотношений и переводоведения с кафедры истории русской литературы ТГУ в 1975 году переходят на сформированную кафедру перевода и литературных отношений¹². Большой вклад в изучение истории русской литературы и русско-грузинских литературных отношений внесли сотрудники Института грузинской литературы им. Ш. Руставели АН Грузии, музея Дружбы народов (Центр по исследованию межнациональных отношений) АН Грузии. Формируются основы парадигмы компаративных исследований.

На рубеже 1970-1980-х гг. в Грузии окончательно сформировались основные принципы грузинской школы изучения литературных отношений. В этом процессе основополагающую роль сыграли теоретические воззрения и научные труды профессора Игоря Семеновича Богомолова, уже с 1960-х годов

¹² См.: <https://tsu.ge/ge/government/administration/departments/pr/news/O1MlgHwo9ditB59hp/?p=1>.

определившие один из векторов научной методологии, включая современное интерпарадигмальное пространство русистики: создание новой школы анализа литературных взаимоотношений с концептуальным положением о взаимовлиянии русского и грузинского творческого сознания на литературные процессы в обеих культурах.

Сегодня история русской литературы в Грузии изучается в пяти ведущих университетах страны¹³, где с 1992 года по 2014 год защищено определенное количество квалификационных трудов как по старой схеме (дипломная работа, кандидат¹⁴ и доктор филологических наук¹⁵), так и, в соответствии с реформой высшего образования (2004 г.), в новом формате (магистр и PhD).¹⁶

¹³ ТГУ им. Ив. Джавахишвили (три ступени образовательного процесса), Кутаисский университет им. Акаки Церетели (бакалавриат и магистратура), Батумский университет им. Шота Руставели (три ступени образовательного процесса), Горийский учебный университет (бакалавриат), Государственный университет им. Ильи (бакалавриат). В некоторых случаях русская литература включена на модульной основе в образовательные программы магистратуры «Теория литературы и грузинское литературоведение», «Европейские литературы», «Славистика». Соответствующая информация содержится на сайтах университетов (в большинстве случаев – на грузинском языке).

¹⁴ Информацию о кандидатских диссертациях см.: сайт Национальной парламентской библиотеки Грузии; "National dissertations and abstracts" / "ეროვნული დისერტაციები და აბსტრაქტები": <http://nplg.gov.ge/ec/en/dis/> / <http://nplg.gov.ge/ec/ka/dis/>; архивы ТГУ и Грузинского технического университета. Автор также благодарит проф. Жанетту Вардзелашвили (в 1999-2004 гг. – декан факультета русской филологии Государственного педагогического университета им. Сулхан Саба Орбелиани - б. Государственный педагогический университет им. Пушкина) за предоставленные сведения и консультации по данному вопросу.

¹⁵ См.: Доктора наук Грузии 2012: 457, 464, 480, 482, 485.

¹⁶ В Грузии до перехода в начале 2000-х годов на промежуточную двухступенчатую систему образования (бакалавриат, магистратура; при этом по-прежнему присуждались ученые степени кандидата и доктора филологических наук) полным высшим считалось пятилетнее образование, итогом которого, кроме государственной аттестации, являлось написание дипломной работы. Количество дипломных работ в области русской литературы, ежегодно защищаемых выпускниками филологических факультетов, соответствовало количеству выпускавшихся специалистов. В ТГУ им.

С переходом высшего образования страны на трехступенчатую систему (бакалавр, магистр, доктор) исчез такой тип выпускников, как специалист, что логично повлекло за собой упразднение дипломной работы. Сократилось и общее количество студентов, выбиравших в качестве будущей специальности русскую филологию и такую ее область, как литературоведение. Углубленные знания в области литературоведческой русистики студенты стали приобретать в магистратуре, количество мест в которых — вне зависимости от вузов — всегда небольшое и лимитировано. Таким образом, именно вторая ступень обучения с 2006 года стал определять общее количество подготовленных специалистов в различных областях знания — в сфере литературоведческой русистики в том числе. Исходя из этого, в приведенных ниже статистических данных учтены защиты выпускников магистратуры, так как по действующему в Грузии законодательству (закон №4209 «О

Иванэ Джавахишвили их численность колебалась в среднем в пределах 20-25 дипломных работ ежегодно. В Государственном педагогическом университете им. Пушкина (с 1998 г. – Государственный педагогический университет им. Сулхан-Саба Орбелиани) (а также в остальных университетах) их было традиционно меньше – в среднем около 10-15 работ ежегодно. Данные о ежегодном количестве дипломных работ по русской литературе за указанный период хранятся в архиве университета. То же относится и к литературным отношениям. Автор выражает благодарность ассоциированному профессору кафедры перевода и литературных отношений Екатерине Наврозашвили за предоставленные сведения (все на основании внутренних документов вуза). Учесть точные данные из остальных университетов страны в настоящий момент не представляется возможным, так как данные относительно ежегодного количества выпускников, специализировавшихся в отрасли русской литературы, находятся в архивах вузов и являются внутренними документами. Точное количество выпущенных специалистов удостоверяется приказами ректоров каждого вуза. Данные о количестве выпускников по интересующему профилю по вузам, подвергшимся реструктуризации в процессе реформы сферы высшего образования в Грузии, в т.ч. приказы ректоров ныне закрытых вузов, ныне хранятся в Государственном архиве Грузии (справка платная, выдается по официальному запросу на грузинском языке). Таким образом суммарные данные о дипломных работах приблизительны и приводятся лишь для самой общей ориентации. Условно и в предварительном порядке принимается, что число работ, защищенных по двум учитываемым областям дисциплины история русской литературы (XIX и XX вв.), одинаково.

высшем образовании» от 10.03.2011г.), обладатели квалификационной степени не ниже магистерской имеют право работать в научно-исследовательских центрах и преподавать в высших учебных заведениях Грузии.¹⁷

Рассмотрим сводные таблицы:

Область исследований (1995-2006)	Количество защит
История русской литературы XIX в.	>100 (дипломные работы) / 7 (кандидатские диссертации)
История русской литературы XX в.	>100 (дипломные работы) / 10 (кандидатские диссертации) / 3 (докторские диссертации)

Область исследований (2006 – 2014)	Количество защит
История русской литературы XIX в.	13 (магистерские) / 3 (PhD)
История русской литературы XX в.	27 (магистерские) / 6 (PhD)

Небезынтересно сравнить с показателями по направлению «Сравнительное литературоведение/ компаративистика».¹⁸

Центры подготовки специалистов (1990-2006)	Количество защищенных квалификационных трудов (1990-2006)
Кафедра перевода и литературных отношений (თარგმანისა და ლიტერატურულ ურთიერთობათა)	30 (дипломные) / 25 (кандидатские) / 2 (докторские)

¹⁷ Из общего количества магистерских диссертаций по русской литературе (13) 11 защищены под моим (Т. М.) руководством (контракты на руководство находятся в моем личном деле, хранящемся в отделе кадров Грузинского технического университета). Еще 2 работы были защищены под руководством проф. Марии Филиной (ныне профессор ТГУ им. Джавахишвили). Эти данные хранятся в ее личном деле в отделе кадров ТГУ. Из 9 диссертаций на степень PhD тремя руководила я. Остальные диссертации, выполненные под руководством других специалистов (проф. Филина, Майя Тухарели), проходили защиту на Диссертационном Совете Грузинского технического университета, членом которого я являюсь.

¹⁸ Данные о защитах хранятся также в архиве ТГУ.

Центры подготовки специалистов (2007-2012)	Количество защит (2007-2012)
Учебно-научный институт теоретического и сравнительного литературоведения при ТГУ ¹⁹ (თეორიული და შედარებითი ლიტერატურათმცოდნეობის სასწავლო—სამეცნიერო ინსტიტუტი)	11 (магистерские)

В других университетах страны также выпускались специалисты интересующей нас отрасли²⁰. А вплоть до 2006 г. при Институте грузинской литературы им. Шота Руставели АН Грузии функционировал Диссертационный Совет, на котором

¹⁹ Количество дипломных работ, защищавшихся на кафедре перевода и литературных отношений ТГУ с момента ее возникновения и до 2006 года, соответствует количеству выпускаемых студентов. В указанные годы это ежегодно 10 дипломных работ в целом и 1-2 по интересующей нас отрасли. В период с 2007 и по 2012 год дипломные работы на этой кафедре, как и по всей Грузии, были упразднены (в силу перехода Грузии на Болонскую систему), а в структуре университета появилась новая часть – Учебно-научный институт теоретического и сравнительного литературоведения. Выпуск магистров по сравнительному литературоведению в интересующей нас отрасли составляет ежегодно 2 специалиста (магистерские работы компаративного характера, предметом исследований которых стали вопросы, связанные с тематикой компаративных исследований в сфере русской и грузинской литератур). В 2012 году департамент выпустил 3 таких специалиста.

²⁰ В Батумском государственном университете в 2003-2010 гг. функционировала образовательная программа магистратуры «Русская литература», выпускавшая ежегодно в среднем 4 специалиста с ученым званием магистра русской филологии. Автор выражает благодарность ассоциированному профессору Гуманитарного факультета Нане Каджая на предоставленные сведения. В Кутаисском государственном университете ежегодно в среднем выпускается 3 магистра русской литературы. Сухумским государственным университетом также выпускаются специалисты (по образовательной программе магистратуры «Европейские языки и литература» ежегодно 1-2 специалиста по русской литературе; по образовательной программе бакалавриата «Славянская филология» по модулю основной специализации «Русская филология» также выпускаются студенты).

защищались специалисты сравнительного литературоведения со всего б. СССР. К сожалению, по имеющейся у нас информации, архив ДС не сохранился, и теперь установить точное количество защищенных до 2006 г. работ по интересующей нас тематике, в т.ч. по альтернативным источникам на центральном уровне, не представляется возможным²¹.

Данные, наряду с прочим, отражают процессы разделения научных интересов на рубеже тысячелетий сферы научных интересов между собственно изучением русской литературы — тематически квалификационные исследования демонстрируют преобладание интереса к изучению русской литературы XX столетия — и литературными взаимоотношениями.

Одновременно следует отметить, что с началом нового тысячелетия диссертационные работы по компаративистике и истории русской литературы создаются на грузинском языке (Мегрелишвили 2014), что отражает общую тенденцию утраты глубокой языковой компетенции в русском языке молодежью Грузии (Мегрелишвили 2011).

Русисты-литературоведы современной Грузии существуют в пределах мультипарадигмальной реальности: сегодня синхронно в культуре Грузии существуют 3 парадигмы научного мировосприятия.

1) *Классическая парадигма* с характерным восприятием сферы прекрасного как чувственного явления идеи, нормы, под которую подводятся далеко не все явления мира. Она отличает сознание «могикан» литературоведческой русистики Грузии.

2) *Неклассическая парадигма*, когда происходит отказ от Единого, в результате чего мировое целое распадается на

²¹ В связи с реформами АН Грузии (начаты в 2003 г.) и высшего образования Грузии (переходом на Болонскую систему и упразднением аспирантур), в июне 2006 г. (на базе Указов Президента Грузии: № 592 от 17 июля 2005 г. и № 605 от 22 июля 2005 г.) Приказом (№ 574) Министерства образования и науки Институт грузинской литературы им. Ш. Руставели АН Грузии был реструктурирован, Диссертационный Совет распущен, и в период 2007–2015 гг. защиты диссертаций на базе Института не проводятся. (И. М.).

отдельные структуры. Возникает установка на структурность, формообразование, что и отражает в литературоведении структурный анализ. Подобная парадигма отличает сознание некоторых молодых исследователей, а также представителей когорты «последних из могикан».

3) *Постмодернистская* парадигма, которая доводит до логического предела тему деконструкции и децентрации. Эстетическая интерпретация текста при таком типе сознания может быть только включением в игру, не анализом и не теоретической интерпретацией, а разыгрыванием с выявлением новых смыслов. Характерна для сознания современных молодых исследователей.

«Последние из могикан», «делавары» и?

*Язык, предмет исследования, методологический кризис,
границы профессии (И. Модебадзе)*

Итак, остатки многочисленного когда-то племени «моги- кан» — грузинских русистов, частично рассеялись по всему миру. Однако сам мир XXI в. — совсем иной, чем мир советской эпохи. Это мир культурной глобализации, размывания языковых границ, трансформации национальных языковых картин мира со всем, что из этого вытекает (см. Modebadze 2013: 101—109; Modebadze 2009), мир формирования новых культурных общностей и нового научного сознания. Что же происходит сегодня в «родовом гнезде» грузинской русистики? Меняется вставшая на путь демократического развития Грузия; вызовы культурной глобализации потрясают основы традиционной культурной ментальности грузинского народа; развивающийся на наших глазах глобальный методологический кризис гуманитаристики и размывание границ научных дисциплин требуют кардинального изменения основ научного мышления: завершается процесс перехода от историко-филологического к интердисциплинарному мышлению. Развитие информационных технологий вкуче с открытыми границами способствует формированию нового стиля жизни и нового типа научного сознания; образуются не ограниченные

пространством или языковыми барьерами культурные и научные общности (яркий пример являются собой международные научные форумы и интернет-конференции). И вот в этом стремительно меняющемся на наших глазах мире подрастают молодые «делавары» — представители нового племени грузинских русистов. В ближайшем будущем они сменят «моги-кан». Естественно, хотелось бы представить, каким будет это «племя младое», но, к сожалению, обобщение ведущих тенденций стремительно развивающихся культурных процессов пока не представляется возможным. Поэтому попробуем определить центральные маркеры круга внешних факторов, воздействующих на формирование специфики научного мышления молодого поколения исследователей.

Для большинства студентов русский является выученным, хотя есть и прирожденные билингвы²², точнее, фиксируется две группы билингв: с естественным билингвизмом (как правило, ранним) и с приобретенным в процессе языкового образования продуктивным (производящим) билингвизмом.²³ Естественно, что у представителей первой из выделенных нами групп гораздо больше шансов добиться серьезных научных успехов на поприще исследования русской литературы, чем у билингв второй группы. Однако и тут все не так просто: само понятие «русская литература» также переживает период радикального переосмысления. Сегодня в России склоняются к дефиниции не «русская», но «российская». Обусловленный исторической и государственной необходимостью, процесс консолидации, определяемый понятием «формирование нового суперэтноса»²⁴, отражается на самоидентификации рос-

²² Следует отметить, что среди прирожденных билингв *естественный* (*чистый*) билингвизм встречается чаще, чем *смешанный* (классификация приводится по: Верещагин 1969: 21-31 и 134-139; 27-29).

²³ «*Продуктивный* (производящий) билингвизм – способность понимать и воспроизводить иноязычные тексты, а также производить их самому» (Билингвизм б. г.: б. паг.; ср. Белянин 2003: 83; Верещагин 1969: 24-25).

²⁴ «Российская литература – суперэтнична и многонациональна. При этом она может рассматриваться как единая литература российской нации, складывающейся из многих этносов, субэтносов и суперэтносов в единый большой суперэтнос. Процесс этот сейчас, в новых условиях после

сийской культуры и являет собой новый этап развития процесса, начавшегося еще два века назад. Особо активно он протекал в советскую эпоху — в эпоху, если можно так выразиться, советской *миниглобализации*, когда на территории Советского Союза фиксируются все характерные признаки культурной глобализации (миграция, размывание языковых границ, би- и полилингвизм, единство приоритетов сетки ценностных ориентаций и т. д.). В то время конечной целью этого процесса было формирование сознания нового типа, производящего «единую по содержанию, но многообразную по форме» советскую литературу. Следовательно, получается, что дефиниция «русистика» без оговорок применима лишь к исследованиям древней и русской классической литературы? На сегодняшний день русская литература понимается как «литература на русском языке, либо написанная русскими авторами». Переосмысляется и сам ареал ее «месторазвития»: жесткие государственные границы рухнули, русская литература создается (и изучается) в различных странах, на разных континентах. В 2007 г. был создан интернет-портал «Новая литературная карта России»²⁵. Он отражает реальную ситуацию — легитимизацию новой культурной общности «Русский мир»²⁶. Это

распада Советского Союза, отнюдь не завершен и даже не вполне осознан. Разрушительные процессы продолжаются, инерция их велика. Новые созидательные свершения (образование качественно иной российской суперэтнической общности) еще только в зародыше» (Ионин 2012).

²⁵ <http://www.litkarta.ru/>.

²⁶ «Русский мир – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки. Это ещё и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее. / Все пласты Русского мира – полиэтнического, многоконфессионального, социально и идеологически неоднородного, мультикультурного, географически сегментированного – объединяются через осознание причастности к России. / Формируя «Русский мир» как глобальный проект, Россия обретает новую идентичность, новые возможности эффективного сотрудничества с остальным миром и дополнительные импульсы собственного развития. / Все перечисленные признаки характерны как для россиян, проживающих в стране, так и для остального Русского мира. [...]» (Русский мир: Информационный портал: Фонд: Идеология: <http://rusскиymir.ru/fund/>).

32 страны на всех континентах земного шара! И информация постоянно пополняется. Небезынтересен в этом смысле проект Сергея Чуприна «Русская литература сегодня» и созданные в его рамках словари-путеводители «Зарубежье» (2008) и «Новый путеводитель» (2009). Но если на наших глазах меняется наполнение самого понятия места производства русской литературы, которое постепенно охватывает весь мир, то логично было бы полагать, что рано или поздно потеряет свой смысл сама дифференциация «русистик»: «зарубежные» и... какая? И почему «зарубежные», когда само понятие «рубеж» теряет смысл? Так что же предстоит исследовать интересующимся современным русскоязычным литературным процессом делаварам? Русистику, россиистику или русскомиристику? Вероятно, русскоязычную литературу мира и ее культурное ядро.

На сегодняшний день в Грузии нет научных центров изучения русской литературы. Однако в области гуманитарного знания давно уже идет процесс размывания границ между специализациями. Границы профессий неизмеримо расширяются, впрочем, как и сам Русский мир, а подлежащий исследованию материал требует совершенно иных подходов (см.: Модебадзе 2011; Modebadze 2014). В частности то, что во второй половине прошлого века относилось к русистике, давно уже признано «традиционными направлениями» компаративистики (контактология, тематология и др.). Более того, на уровне современного теоретического осмысления, постоянно эволюционируя на благодатной почве интердисциплинарных методик, развиваются совершенно новые направления (напр., имагология и др.). В целом, следует отметить, что бесконечное расширение границ исследований и современные тенденции развития этой области гуманитарного знания указывают на сближение компаративистики с основными направлениями кросскультурных исследований. В этом направлении перспектива добиться значимых результатов на научном поприще для делаваров будет зависеть от уровня знания иностранных языков (доступу к информации), объема фоновых знаний, личных аналитических навыков и способности к

интеркоммуникации. Естественно, что для второй из обозначенных мною групп (продуктивные билингвы) это направление представляется более перспективным, чем исследование древнерусской, или же классической русской литературы. Может быть, этим и объясняется повышенный интерес билингв этой группы к сопоставительному анализу достижений различных литературоведческих школ (в том числе и русских) и вариативности использования их стратегий и методик, фиксируемый на современном этапе среди магистрантов, специализирующихся по направлению «теория литературы и компаративистика»?

Как бы то ни было, происходит естественная смена поколений, но и подрастающие «делавары» — также явление временное: продукт все той же переходной культурной эпохи. «Каждое новое поколение вносит свою собственную точку зрения, свои критерии, которые определяют новый выбор традиций, направлений оценки и верификации существующей иерархии литературных произведений и их авторов» (Степень 1998: 11). Каким же будет следующее поколение? Homo Global? Пока ответить на этот вопрос не представляется возможным. Несомненно лишь то, что научное сознание этого поколения будет соответствовать общей культурной ситуации мира, в котором ему предстоит жить. В науковедении широко используется понятие трамплина — выдающегося достижения какой-либо из областей человеческого знания, оказывающей знаковое воздействие на развитие других наук. «Трамплином» развития современного научного знания, несомненно, является создание всемирной паутины, социальных сетей и т. д. — все то, что безгранично расширяет доступ к информации, возможности межкультурного диалога и поисков взаимопонимания. Полагаем, что это и будет определяющим фактором формирования сознания нового типа.

Чем же заняты на данном этапе «могикане», вернее «последние из могикан»? Ни для кого не секрет, что начавшийся еще в прошлом веке методологический кризис в сфере гуманитарных знаний требует выработки новых стратегий и методологий. В этом смысле грузинская наука (в том числе и руси-

стика) также не осталась в стороне: эксперименты проходят с переменным успехом, благодаря развитию информационных технологий и практике международных научных форумов положительные результаты вливаются в общую копилку знаний. «Могикане», так же как и делавары... учатся. Осваивают новую информацию, ищут среди множества современных теорий модели, наиболее подходящие к собственной культурной ситуации; переоценивают прошлые достижения с позиции новых методологий исследования и т.д. Каждый в меру своих возможностей. Впрочем, учиться/изучать — это и есть специфика нашей профессии: только постоянно пополняя собственные знания, пересматривая собственные позиции, «человек ученый» получает моральное право заходить в аудиторию и учить других.

Так кто же мы, «последние из могикан» Грузии? По-видимому, представители немногочисленной и весьма неоднородной группы, габитус членов которой исторически обусловлен императивом переходного культурного периода. Конечно, хотелось бы чувствовать себя кентаврами — наставниками героев. Но мы — всего лишь стражи сотрясаемого ветрами перемен шаткого (в реальности современной Грузии) мостка между русской и грузинской культурами, опекуны «родового гнезда», старающиеся сделать его комфортным и современным. И лишь потом — движимые собственными научными интересами и амбициями, исследователи: русисты? картвелологи? компаративисты? культурологи?..

Литература

Белянин 2003: Валерий Белянин. Психолингвистика. Москва: Флинта; Моск. психолого-социальный институт, 2003 (http://www.msibg.com/WebSite.Downloads/Biblioteka/Psihologia/Белянин_Психолингвистика_2003.pdf)

Билингвизм б. г. Билингвизм и его классификация // Фонд знаний «Ломоносов», б. паг.: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127453:article>.

Верещагин 1969: Евгений Верещагин. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). Москва: Изд-во МГУ, 1969.

Веселова, Овчаренко 2011: Наталья Веселова, Ольга Овчаренко. Заглавие. // Теория литературы: В 4 т. Т. 2. Произведение. Ред. Юрий Боров и др. Москва: ИМЛИ РАН, 2011, с.199-230.

Гогиашвили, Поракишвили 2002: Омар Гогиашвили, Нодар Поракишвили. Талант как «служебное состояние человека». // Игорь Семенович Богомолов — 70. Тбилиси: Ofis-Press, 2002, с. 18-30.

Дима 1977: Александр Дима. Принципы сравнительного литературоведения. Москва: Прогресс, 1977.

Доктора наук Грузии 2012: Доктора наук Грузии. 1992 — 2006. Сост. и ред. Ирина Джапаридзе. Тбилиси: Национальная академия наук Грузии; Центральная редакция грузинской энциклопедии им. Ираклия Абашидзе, 2012 (на груз. яз.).

Ионин 2012: Герман Ионин. Национальная литература и конфессиональность, 2012: <http://ioningerman.com/natsionalnaya-literatura-i-konfessinalnost.html>.

Лотман [1989]: Юрий Лотман. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении. // Он же. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992, 121-128; в свободном доступе на: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm>.

Мегрелишвили 2011: Татьяна Мегрелишвили. Русский язык в современном мультилингвальном пространстве Грузии: коммуникативная потребность и языковое сознание.// Материалы II международной научной конференции «Русский язык в современном мире». Москва-Афины: Высшая школа перевода МГУ им. М.Ломоносова, 2011, с. 459-465.

Мегрелишвили 2014: Татьяна Мегрелишвили. Русский язык в Грузии. // Русский язык в многоречном культурном пространстве (The Russian language in the multi-language social and cultural environment). Ответ. ред. Борис Гаспаров, Наталья Купина. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного университета, 2014, с. 286-301.

Модебадзе 2007: Ирина Модебадзе. Русскоязычные включения в текстах грузинской прозы: история и современность. // Русский язык в странах СНГ и Балтии. Международная научная конференция. Москва, 22-23 октября, 2007. Москва: Наука, 2007, с. 508-516.

Модебадзе 2011: Ирина Модебадзе. Русско-грузинские литературные взаимосвязи: методологические меридианы XXI века. // Рус-

ская литература XI-XXI веков: проблемы типологии, поэтики, интерпретации, перевода. Fatih Ünersiresi, İstanbul, 2011, с. 40-53.

Стемпень 1998: Мариан Стемпень. Роль науки о литературе в ходе современных изменений политического строя (из польского опыта). // *Литературоведение на пороге XXI века*. Москва: Рандеву-Ам, 1998, с. 10-15.

Ципурия 2010: Bela Cip'uria. Modernistuli gamoc'dileba sak'art'veloši // K'art'uli literatura modernizmis da realizmis mijnaze [წიფურია ბელა. მოდერნისტული გამოცდილება საქართველოში // ქართული ლიტერატურა მოდერნიზმის და რეალიზმის მიჯნაზე / Ципурия Белла. Модернистский опыт в Грузии. // *Грузинская литература на стыке модернизма и реализма*]. T'bilisi: Literaturis institutis gamomc'emloba, 2010 (на груз. яз.).

Чавчавадзе 1967: Илья Чавчавадзе. Из статьи «„Тергдалеული“ и новое поколение». // *Летопись дружбы грузинского и русского народов с древних времен до наших дней : художественные произведения, документы, письма, мемуары, статьи*. 2-е, доп. изд. Сост. Вано Шадури и Гарегин Бебутов. Т. 1. Тбилиси: Литература და ხელოვნება, 1967, с. 375.

Kobiashvili, Tsitsishvili, Modebadze, 2012: Malkhaz Kobiashvili, Tamar Tsitsishvili and Irina Modebadze. *The Adventures of History of Georgian Literature in the Communist Era. Totalitarianism and Literary Discourse: 20th Century Experience*. Cambridge Scholars Publishing, 2012, pp. 387-395.

Modebadze, 2009: Irine Modebadze. *National Language Image of the World and the Process of the Merging the Cultural Language Borders*. // *Litinfo (Georgian Electronic Journal of Literature)* 3 (2009), 1, n. pag.: <http://www.litinfo.ge/issue-3/modebadira.htm>

Modebadze 2013: Irine Modebadze. *National Language Image of the World and the Processes of Cultural Globalization*. // *Socialinių mokslų studijos (Societal Studies)* 5(2013), No. 1, p. 101-109.

Modebadze, 2014: Irine Modebadze. *Russian Literary Canon in the Intertext of Contemporary Georgian Fiction*. // *Russian Classical Literature Today: The Challenges/Trials of Messianism and Mass Culture*. Edited by Yordan Lyutskanov, Hristo Manolakev, Radostin Rusev. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014, pp. 126-136.